

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.614

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-142-156>

Судебно-лингвистическая экспертиза цифрового контента как инструмент противодействия вовлечению молодёжи в экстремистскую деятельность: на примере ультраправой идеологии

М.И. Синяева^{1✉}, Е.А. Андрюхин²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Лётчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

[✉]e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Цифровизация коммуникационного пространства и развитие социальных медиа обусловили формирование устойчивых каналов распространения ультраправой экстремистской идеологии в молодёжной среде, что создаёт прямую угрозу конституционным основам Российской Федерации. Использование радикальными акторами латентных форм пропаганды через меметические конструкции, криптонимы и геймифицированные нарративы существенно затрудняет квалификацию таких деяний правоохранительными органами.

Цель исследования заключается в формировании научно обоснованной методики судебно-лингвистического анализа молодёжно-ориентированного цифрового контента и разработке алгоритмизированных критерииев идентификации ультраправой экстремистской пропаганды для обеспечения единства экспертной практики и повышения эффективности уголовно-правового противодействия молодёжному экстремизму.

Задачи: систематизация типологических признаков и речевых стратегий ультраправого дискурса в интернет-пространстве; анализ нормативных и доктринальных оснований экспертных процедур по делам экстремистской направленности с участием несовершеннолетних; формирование многоуровневой матрицы языковых и семиотических индикаторов, релевантных возрастной специфике адресатов; разработка стандартизованных ориентиров для экспертной практики.

Методология. Исследование базируется на интегративном междисциплинарном подходе, сочетающем методы корпусной лингвистики, семантического, прагматического и дискурсивного анализа с нормативно-правовым анализом. Эмпирическую базу составил корпус объёмом 11,8 млн словоупотреблений из 37 ультраправых интернет-ресурсов. Применялись статистические методы, латентно-семантическое разложение, кластерный анализ с перекрёстной валидацией.

Результатами исследования являются выявленные четыре класса лингвистических маркёров экстремистского контента (криптонимизированная символика, транслитерированные англо-американизмы, геймифицированная милитаристская метафорика, меметические конструкции) и типология речевых стратегий ультраправого дискурса. Разработана процессуально пригодная методика экспертного анализа, обеспечивающая воспроизводимость результатов и соответствие требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Выход. Предложенная методика судебно-лингвистического анализа представляет собой научно обоснованный инструментарий идентификации латентных маркёров экстремистской пропаганды в молодёжной цифровой среде. Её внедрение в практику следственных органов и судебных учреждений будет способствовать повышению эффективности противодействия молодёжному экстремизму при безусловном соблюдении конституционных гарантий прав несовершеннолетних и принципов справедливого правосудия.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза; молодёжный экстремизм; ультраправый дискурс; цифровой контент; криптонимы; меметические конструкции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Синяева М.И., Андрюхин Е.А. Судебно-лингвистическая экспертиза цифрового контента как инструмент противодействия вовлечению молодёжи в экстремистскую деятельность: на примере ультраправой идеологии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 142–156. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-142-156>.

Поступила в редакцию 04.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Опубликована 31.10.2025

Forensic linguistic examination of digital content as a tool to counter the involvement of youth in extremist activities: on the example of ultra-right ideology

Maria I. Sinyaeva¹✉, Evgeny A. Andriukhin²

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

1 Pilyutova Pilot Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

Abstract

Relevance. The digitalization of the communication space and the development of social media have led to the formation of stable channels for the dissemination of far-right extremist ideology among young people, which poses a direct threat to the constitutional foundations of the Russian Federation. The use of latent forms of propaganda by radical actors through memetic constructions, cryptonyms, and gamified narratives significantly complicates the qualification of such acts by law enforcement agencies.

The purpose of the study is to develop a scientifically based methodology for the forensic linguistic analysis of youth-oriented digital content and to develop algorithmized criteria for identifying far-right extremist propaganda to ensure uniformity of expert practice and increase the effectiveness of criminal law counteraction to youth extremism.

Objectives: systematization of typological features and speech strategies of ultra-right discourse in the Internet space; analysis of the normative and doctrinal foundations of expert procedures in extremist cases involving minors; formation of a multi-level matrix of linguistic and semiotic indicators relevant to the age specifics of addressees; development of standardized guidelines for expert practice.

Methodology. The research is based on an integrative interdisciplinary approach combining the methods of corpus linguistics, semantic, pragmatic and discursive analysis with normative and legal analysis. The empirical base was made up of a corpus of 11.8 million word usage from 37 ultra-right Internet resources. Statistical methods, latent semantic decomposition, and cluster analysis with cross-validation were used.

The results of the study reveal four classes of linguistic markers of extremist content (cryptonymized symbols, transliterated Anglo-Americanisms, gamified militaristic metaphors, memetic constructions) and a variety of speech strategies of ultra-right discourse. A process-appropriate methodology of expert analysis has been developed, ensuring reproducibility of the results and compliance with the requirements of the CPC of the Russian Federation.

Conclusion. The proposed method of forensic linguistic analysis is a scientifically based toolkit for identifying latent markers of extremist propaganda in the youth digital environment. Its implementation in the practice of investigative bodies and judicial institutions will help to increase the effectiveness of countering youth extremism while unconditionally respecting the constitutional guarantees of the rights of minors and the principles of fair justice.

Keywords: forensic linguistic expertise; youth extremism; ultra-traditional discourse; digital content; cryptonyms; memetic constructions.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sinyaeva M.I., Andriukhin E.A. Forensic linguistic examination of digital content as a tool to counter the involvement of youth in extremist activities: on the example of ultra-right ideology. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(5):142–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-142-156>.

Received 04.09.2025

Accepted 30.09.2025

Published 31.10.2025

Введение

Современная информационно-телекоммуникационная среда обусловила появление устойчивых каналов трансляции ультраправой идеологии в подростково-молодёжном сегменте аудитории, что прямо угрожает конституционным ценностям, предусмотренным ст. 2 и 13 Конституции Российской Федерации [1, с. 67]. Радикальные акторы используют высокочастотные, краткие и визуально насыщенные форматы коммуникации, позволяющие скрыто интегрировать ксенофобские и реваншистские нарративы в контент развлекательного или информационного характера [2, с. 149]. Фактически складывается парадигма «нормализации» экстремистской идеологии через вовлечение молодёжи в дискурсивные игровые практики, где грань между легитимным выражением мнения и публичным оправданием насилия стерта за счёт языковых эвфемизмов [3, с. 57], отсылок к массовой культуре и ситуативного шифрования вербально-графических символов [4, с. 156].

В сложившихся условиях судебно-лингвистическая экспертиза признаётся ключевым криминологическим инструментом выявления экстремистского характера цифровых сообщений [5, с. 27]. Научная достоверность заключений эксперта базируется на комплексном использовании методов семантического, прагматического, дискурсивного и контекстуального анализа, а также на корреляции полученных результатов с критериями общественной опасности [6, с. 81]. Однако вариативность молодёжного

сленга: меметичная трансформация знаков; полимодальность сообщений [7, с. 78] (текст, изображение, аудио, видеоряд); наличие латентных кодов (цифровые акронимы, эмодзи-аллюзии, графические символы) [8, с. 66] – существенным образом усложняют квалификационную процедуру и требуют методического совершенствования.

Действующее уголовное и административное законодательство (ст. 205.2, 207.3, 280, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ); ст. 20.3.1 (Кодекса об административной ответственности – далее КоАП РФ)) закрепляет лишь базовые признаки публичных призывов к экстремистской деятельности и пропаганды её атрибутики, не разграничивая специфику адресации. Между тем положения Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ вводят дифференцированный подход к маркировке деструктивного контента, что объективно должно учитываться при экспертизе. Отсутствие унифицированных научно-методических критериев фиксации латентных экстремистских маркёров обуславливает риск неоднородности экспертных выводов, а следовательно – воз-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ: [ред. от 30.11.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 (дата обращения: 10.07.2025).

никновения судебных коллизий, противоречащих принципам справедливости.

Цель настоящего исследования состоит в формировании научно обоснованной методики судебно-лингвистического анализа молодёжно-ориентированного цифрового контента и в разработке алгоритмизированных критериев, позволяющих достоверно относить выявленные высказывания к категории ультраправой экстремистской пропаганды в целях их последующей уголовно-правовой квалификации. Для её достижения ставятся следующие задачи:

1) систематизировать типологические признаки и речевые стратегии ультраправого дискурса в интернет-пространстве;

2) проанализировать нормативные и доктринальные основания экспертных процедур по делам экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними;

3) сформировать многоуровневую матрицу языковых и семиотических индикаторов, релевантных возрастной и субкультурной специфике адресатов;

4) предложить ориентиры для стандартизации экспертной практики, обеспечивающие прогнозируемость судебных решений и эффективное профилактическое воздействие на молодежь.

Таким образом, разработка унифицированной методики и алгоритмизированных критериев идентификации ультраправой экстремистской пропаганды в молодёжно-ориентированном цифровом дискурсе не только восполняет существующий пробел в экспертной практике, но и обеспечивает нормативно-процессуальную предсказуемость судебных решений, что соответствует принципам законности, равенства сторон и защиты прав несовершеннолетних. Реализация полученных результатов позволит органам дознания, следствия и суда оперативно фиксировать и надёжно доказывать присутствие латентных экстремистских

маркёров, минимизируя риск судебных ошибок и укрепляя превентивный потенциал законодательства о противодействии экстремизму.

Методология

Методологическая парадигма исследования опирается на интегративный междисциплинарный подход, сочетающий гносеологические принципы диалектико-материалистического анализа с общеначальными методами системно-структурного, функционально-целевого исследования. Теоретико-правовой компонент обеспечивается экстраполяцией нормативного массива Конституции РФ, федеральных и международных актов о противодействии экстремизму, а также dogmatischesких положений уголовного права, криминологии; лингвистический компонент – применением описательного, семантического, прагматического, дискурсивного и контекстуального анализа, контент-анализа. В качестве частно научных методов задействованы формально-логический и герменевтический методы, моделирование, экспертная интроспекция, а также количественная обработка данных (частотный, кластерный анализ, логистическая регрессия) для статистической верификации релевантных языковых и семиотических предикторов. Нормативная валидность разрабатываемой методики подтверждается корреляцией полученных эмпирических результатов с критериями общественной опасности и с конструктивными признаками составов преступлений.

Результаты и их обсуждение

Рост вовлечённости несовершеннолетних в преступления экстремистской направленности, совершаемые преимущественно в сетевой среде, обусловил повышенное внимание законодателя и правоприменителя к судебно-экспертному обеспечению таких дел. Экспертные процедуры – совокупность уголовно-

процессуальных действий по назначению, производству и использованию специальных знаний – становятся ключевым инструментом объективирования цифрового контента, поведения подростка и его психического состояния в ракурсе уголовно-правовых признаков экстремизма [9, с. 512]. Междисциплинарный характер указанных процедур требует критического анализа их нормативных и доктринальных оснований, обеспечивающих баланс между охраной общественной безопасности и защитой прав ребёнка.

Конституционно-правовой фундамент регламентации экспертной деятельности формируется сочетанием положений ст. 29, 38 и 49 Конституции Российской Федерации¹, а также ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 г.², вводящей принцип наилучших интересов ребёнка в качестве императива интерпретации любых процессуальных действий в отношении несовершеннолетних. Нормативная конвергенция этих положений детерминирует необходимость достижения баланса между публичным интересом в обеспечении национальной безопасности и индивидуальным правом ребёнка на справедливое судебное разбирательство.

Особые процессуальные гарантии несовершеннолетних закреплены в гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ст. 4412.

² Конвенция о правах ребенка: [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 нояб. 1989 г.] // Организация Объединенных Наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.07.2025).

Постановление о назначении экспертизы обязано фиксировать участие законного представителя подростка, правомочие последнего ходатайствовать о привлечении конкретного эксперта и иные предусмотренные ст. 426 УПК РФ процессуальные права³. Нарушение данных предписаний в судебной практике квалифицируется как существенное процессуальное нарушение, влекущее недопустимость доказательства, что подчёркивает значимость корректного оформления экспертных процедур на раннем следственном этапе.

Квалифицирующие признаки экстремистских высказываний детализированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В соответствии с п. 23 указанного акта, в тех случаях, когда для установления целевой направленности информационных материалов требуется специальное знание, суд, следователь или дознаватель вправе назначить лингвистическую экспертизу, а при необходимости привлечения специалистов смежных отраслей знания – комплексную судебную экспертизу. Одновременно постановлением Пленума подчёркивается недопустимость постановки перед экспертом правовых вопросов, отнесённых к исключительной компетенции суда, в том числе вопросов о том, содержатся ли в исследуемом тексте призывы к экстремистской деятельности либо направлены ли материалы на возбуждение ненависти или вражды⁴.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Вер-

Таким образом, использование специальных знаний при квалификации действий, предусмотренных ст. 280, 282 и 354¹ УК РФ, носит характер процессуальной необходимости, вытекающей из сложности семиотической структуры рассматриваемых коммуникаций и императивов доказательной достоверности. В делах, где обвиняемыми или подозреваемыми выступают несовершеннолетние, указанная необходимость сопряжена с обязательным учётом возрастных, когнитивных и социокультурных особенностей личности ребёнка.

Согласно ст. 196 УПК РФ, судебно-психологическая и судебно-психиатрическая экспертизы являются обязательными, если существуют сомнения в способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность действий либо руководить ими. В отношении подростков такие сомнения обоснованы их психической и физиологической незрелостью, повышенной внушаемостью и групповой конформностью [10, с. 809]. Доктрина детской психиатрии подчёркивает, что полноценная диагностика требует комплексного исследования интеллектуального, эмоционального и волевого уровней развития [11, с. 19], что реализуется посредством комбинированных психолого-психиатрических методик, регламентированных приказами Минздрава и Минюста России.

Лингвистический и психологический анализ экстремистского контекста опирается на ведомственные методические материалы Минюста РФ и Роскомнадзора, определяющие критерии выявления в текстах и изображениях признаков пропаганды ненависти, превосходства или апологии насилия. В доктринальном плане эти методики основываются на

ховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: [ред. от 28.10.2021] // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vscr.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 31.07.2025).

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(5):142-156

теории речевых актов, пресуппозиционном анализе и критической дискурсивной парадигме. Для дел, где фигурантом является несовершеннолетний, эксперт неизбежно обращается к ювенальной субкультурной лексике, меметической символике и игровым коммуникационным практикам, способным маскировать экстремистскую семантику [12, с. 32].

Научная концепция «молодежного экстремизма» рассматривает участие подростков в радикальных практиках как следствие кризиса идентичности, когнитивной незрелости и медиасоциализации [13, с. 84]. В мотивационной структуре несовершеннолетних зачастую доминируют поисковые и игрово-эмоциональные импульсы, а не устойчивые идеологические убеждения. Исходя из этого, в научной литературе обосновывается пониженный стандарт субъективной вины, что отражается в формулировке вопросов, адресуемых экспертам: они должны проверять не только внешние признаки экстремистского содержания, но и уровень осознанности подростка относительно социальной опасности действия [14, с. 439].

Ультраправый дискурс в современной цифровой коммуникационной среде выявляется через совокупность устойчивых идеологических инвариантов, обладающих нормативной правосубъектностью в смысле ст. 280, 282 УК РФ, а также ст. 4 и 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹. К числу таких инвариантов относятся:

1) ксеноэтнический эксклюзивизм, основанный на доктрине «биологической приоритетности» титульной группы [15, с. 40];

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: [ред. от 28.12.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (дата обращения: 30.07.2025).

2) реваншистский миф о «потере былого величия» и необходимости реституции «исторически законных» территорий [16, с. 69];

3) антиглобализм, декларирующий несовместимость конституционного принципа многонационального государства с «органическим» устройством общества [17, с. 122].

Каждый из перечисленных векторов оперирует дискурсивными установками, априори нацеленными на подрыв охраняемых Конституцией РФ ценностей равноправия и недискриминации, что придаёт им характер объективно общественно опасных признаков в уголовно-правовом смысле.

В экспертной практике ключевое значение имеет верификация лексико-семантических, графических и синтаксических маркёров, позволяющих квалифицировать коммуникативный продукт как экстремистский. Данные маркёры формулируются не произвольно, а опираются на устойчивые семиотические коды субкультуры, что позволяет разработать стандартизованные алгоритмы их выявления и атрибуции. Наиболее распространённые из них представляются в следующей систематизации:

1. Числовые и буквенно-цифровые криптонимы (например, «14/88», «18», «AZOV»). Указанные знаки выполняют двойную функцию: во-первых, они служат инструментом конспиративного самоопознавания adeptов ультраправых идей, во-вторых, выступают индикатором «сигнальной лояльности», позволяя авторам контента продемонстрировать принадлежность к радикальному сообществу при формальном отсутствии прямых призывов к насилию. В уголовно-правовом отношении числовой код «14/88» трактуется судебной практикой как символ, неразрывно связанный с лозунгом «We must secure the existence of our people...» и приветствием «Heil Hitler» (буква «Н» позиционируется как 8-я в латинском ал-

фавите) [18, с. 125]. Эксперт обязан раскрыть семантическое содержание шифра, подтвердив его узнаваемость в целевой аудитории; если узнаваемость доказана, демонстрация такого символа может расцениваться как пропаганда нацистской символики или как один из элементов призывов к экстремистской деятельности. Доктринально методика дешифровки базируется на принципах контекстуального и интраптекстуального анализа, а также на эмпирических данных мониторинга экстремистских интернет-площадок.

2. Эвфемизирующие номинации этнических и конфессиональных групп, редуцирующие объект номинации до биологических, зооморфных или мифологических образов («паразиты», «корки», «черти»). Лингвистически такие номинации функционируют в режиме категоризации «чужого» через семантику девальвации, лишая группу атрибутов полноценного субъекта права. В рамках судебно-лингвистической экспертизы они квалифицируются как лексические маркёры, обладающие диффамационным и дегуманизирующими потенциалом; в случае сочетания с глаголами насильтственного семантического ряда («изгнать», «уничтожить») они образуют совокупность признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ. При опознании эвфемизмов эксперт обязан проанализировать не только открытый словарь, но и субкультурный жаргон: так, в отдельных telegram-каналах словоформа «орки» конвенционально употребляется в отношении любой противоположной военизированной группы, что фиксируется многофакторным корпусным анализом [19, с. 357].

3. Руноподобные или «херувимные» графемы, визуально коррелирующие с запрещённой символикой, но формально не тождественные ей [20, с. 48]. Визуальная полисемия таких графем позволяет субъектам коммуникации обходить прямой запрет, установленный ст. 20.3 КоАП

РФ и ст. 354.1 УК РФ. Однако правовая оценка основывается не на точной графической идентичности, а на семантическом и функциональном тождестве: если символ воспринимается аудиторией как производная или модификация свастики, руны SS либо «чёрного солнца», факт изменения угла наклона линий или количества штрихов не исключает признания его экстремистским. Методические рекомендации Минюста РФ предписывают экспертам оценивать культурно-исторический бэкграунд знака, частоту его использования на экстремистских ресурсах и контекст представления (флаги, нашивки, аватарки). Отдельного внимания требует ревизия аргумента «альтернативного культурного смысла», нередко заявляемого защитой; судебно-экспертная доктрина считает его релевантным, только если данный смысл доминировал в публичной сфере до начала его радикализированного употребления.

4. Повышенная императивность синтаксиса, комплементарная антагонистической бинарной оппозиции субъектов («мы – хозяева», «они – захватчики»). Синтаксические конструкции с глаголами перформативного действия («очистим», «вернём», «накажем»), усиленные местоименной коллективизацией «мы», выполняют функцию мобилизации аудитории и преобразуют информационный акт в директивную иллокуцию. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что для квалификации призыва как публичного достаточно, чтобы сообщение было адресовано неопределённому кругу лиц, а его содержание объективно побуждало к противоправным действиям. Следовательно, эксперт обязан оценивать не только лексическое значение, но и коммуникативно-прагматический вектор: грамматический императив, обобщённое указание на адресата и наличие негативно-оценочной атрибуции объекта воздействия. Дополнительными доказательственными индикаторами являются графические усилители (знаки восклицания,

эмодзи оружия) и просодические маркёры (заглавные буквы, caps-lock), усиливающие директивный характер высказывания.

Концентрация указанных элементов фиксируется экспертно-статистически (частотный анализ, коллокационная сегментация) и сопоставляется с признанными в науке экстремистскими лексемными списками.

С функционально-прагматической позиции ультраправый дискурс представляет собой систематически организованный комплекс речевых актов, в которых с разной степенью явности актуализируются установки на ограничение либо полное лишение отдельных социальных, этнических, конфессиональных или иных групп граждан конституционно гарантированных прав и свобод.

Критерием структурирования речевых практик является пресуппозиционная нагрузка, т. е. совокупность фоновых допущений, которые адресант имплицитно вменяет аудитории [21, с. 624]. С учётом данного критерия целесообразно выделить четыре базовые стратегии, каждая из которых обладает собственной перлоктивной (поведенческой) матрицей и, следовательно, различной степенью криминогенного потенциала.

1. Стратегия виктимизации (конструирование образа «дискриминируемого большинства»).

Цель – легитимация последующего призыва к «самообороне» либо «превентивному насилию» за счёт фиктивного приравнивания доминирующей группы к жертве притеснений.

Дискурсивные маркёры: гиперболизированные описания угроз («нас лишают родины»), лексемы с семой неправомерности («геноцид», «оккупация»), нарочито количественные гиперболы («миллионы лишаются прав»).

2. Стратегия нормативного дрейфа (пошагового смещения рамки, «окно Овертона»).

Цель – десенсибилизация аудитории посредством поступательной трансформации оценочных суждений от формально научных до прямого оправдания противоправных действий.

Дискурсивные маркёры: последовательное изменение модальности («следует обсудить» → «возможно, придётся принять меры» → «меры неизбежны»), апелляция к псевдообъективной экспертизе («данные нейтрального исследования подтверждают...»).

3. Стратегия юмористической меметизации.

Цель – снижение социального порога санкции за счёт представления ксенофобных смысловых конструкций в игровом или сатирическом формате, что создает иллюзию безобидности.

Дискурсивные маркёры: визуальные мемы, иронические хэштеги, стилистический приём «троллинга» с оговоркой «это всего лишь шутка».

4. Стратегия псевдоэмпирической легитимации.

Цель – рационализация дискриминационных тезисов через ссылку на сфабрикованные статистические данные, лженаучные биогенетические теории и вырванные из исторического контекста факты.

Дискурсивные маркёры: изобилие недостоверных количественных индикаторов («рост преступности на 400 %»), упоминание «скрытых докладов», аргументация «генетической предрасположенностью».

Перлокутивная матрица каждой стратегии включает три взаимосвязанных уровня:

а) когнитивный (формирование убеждений);

б) аффективный (актуализация негативных эмоций к целевой группе);

в) конативный (побуждение к действиям).

Достижение конативной стадии многократно повышает риск реализации объективной стороны преступлений экстрем-

истской направленности. Поэтому лингвокриминалистическая экспертиза должна фиксировать не только эксплицитные языковые единицы, но и имплицитные пресуппозиции, позволяющие реконструировать коммуникативный замысел адресанта.

С опорой на критерий иллокутивной силы высказывания, соотносимый с доктриной «непосредственной и реальной опасности», ультраправый цифровой дискурс целесообразно рассматривать сквозь призму четырёх взаимосвязанных коммуникативных режимов, каждый из которых характеризуется определённой степенью перлокутивного потенциала. Наиболее эксплицитным является прямой директивный призыв к насилиственным действиям; ему уступает по интенсивности апологетика либо героизация субъектов, уже реализовавших экстремистские преступления; далее следует рекрутинговая идентификационно-мобилизационная апелляция, оформленная в форме приглашения «присоединиться к сопротивлению»; замыкает градацию латентное кондиционирование негативной установки через повторяемую негативную атрибуцию образа «чужих».

В процедуре судебно-лингвистической экспертизы каждое высказывание анализируется по трём обязательным позициям [22, с. 59]:

1) характер и уязвимость целевой аудитории, прежде всего её возрастные, когнитивные и социокультурные параметры;

2) степень публичности распространения, определяющая широту охвата и интенсивность возможного влияния;

3) наличие вербально-семиотических маркёров, объективно способных инициировать или усилить готовность адресатов к насилиственным действиям.

Такая многоуровневая типология обеспечивает воспроизводимую методическую базу для экспертных выводов, минимизирует риск доктринальных расхождений в правовой квалификации и

содействует унификации судебной практики по делам экстремистской направленности.

Общий массив эмпирических данных был сформирован путём сплошного мониторинга тридцати семи ультраправых интернет-площадок (Telegram-каналы, имиджборды, закрытые группы социальной сети «ВКонтакте») за период с января 2022 г. по март 2024 г.; совокупный объём корпуса составил 11,8 млн словоупотреблений. Отбор источников осуществлялся в строгом соответствии с положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹, что гарантирует процессуальную пригодность полученных данных для последующего судебного использования. Репрезентативность выборки подтверждена критерием Хи-квадрат Пирсона ($p < 0,01$) относительно контрольного подкорпуса, составленного из публичных сообщений общесетевого дискурса сопоставимого жанрового регистра.

Методологическое обеспечение настоящего лингвокриминалистического исследования разработано в строгом соответствии с нормами гл. 27 УПК РФ, Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также с учётом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

¹ О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [ред. от 24.06.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 30.07.2025).

Выбор комплексного подхода – сочетания количественной корпусной лингвистики и качественного прагматико-дискурсивного анализа – мотивирован необходимостью, во-первых, выявить статистически значимые повторяющиеся языковые маркёры, во-вторых, дать квалифицированную правовую оценку их направленности на возбуждение ненависти либо вражды и, в-третьих, обеспечить воспроизводимость полученных выводов в дальнейшем судебном разбирательстве.

Эмпирическая база сформирована путём сплошного мониторинга публичных интернет-ресурсов, мессенджеров и социальных сетей, ориентированных на аудиторию 14–35 лет. Каждый цифровой объект (текстовый, аудио-, визуально-текстовый) зафиксирован протоколом технического осмотра с одновременным получением нотариально удостоверенной копии веб-страницы (URL, time-stamp) и контрольной SHA-256-хеш-суммы. Данная процедура обеспечивает непрерывность цепочки хранения доказательств и исключает последующие споры об аутентичности либо целостности материалов, что отвечает требованиям ст. 81 и 84 УПК РФ.

Первичная очистка корпуса осуществлялась посредством модулей SpaCy-UDPipe с адаптированным русско-английским набором правил токенизации и лемматизации. Извлечение шумовых единиц выполнялось трёхступенчатой системой частотной фильтрации:

- 1) удаление хапакс-легоменов;
- 2) отсечение лексем с показательным весом $TF-IDF < 0,005$;
- 3) отсеивание сверхвысокочастотных функциональных слов, фиксируемых более чем в 80% документов либо имеющих относительную частотность выше 0,02.

Функция указанной процедуры – исключить фоновые служебные слова и общеразговорную лексику, не несущие дискриминационной или вербально-агрессивной семантики.

Статистическое ядро исследования построено на расчёте коэффициентов keyness методом Dunning-G (log-likelihood ratio) при пороговом уровне значимости $p < 0,01$. Для контроля многократных сравнений применялся коррекционный алгоритм Бонферрони – Хольма. Выявленные высокозначимые лексемы дополнительно анализировались на предмет коллокационной силы (MI-score ≥ 3) и взаимного информационного вклада (PMI). Полученные данные подвергались латентно-семантическому разложению в 300-мерном пространстве с дальнейшей кластеризацией, где количество кластеров определялось по критерию силуэта. Стабильность модели проверялась десятикратной перекрёстной валидацией и бутстрэп-репликацией ($n = 2\,000$). Таким образом, был обеспечен критерий научной верифицируемости.

Качественный прагматический компонент реализован по многоступенчатому протоколу: реконструкция пресуппозиций (по методике Т.А. Ван Дейка), идентификация конвенциональных и конверсативных импликатур (на основании кооперативного принципа П. Грайса), типологизация речевых актов (по классификации Дж. Сёрла) и оценка их директивной валентности через шкалу RAB-7, рекомендованную Российским федеральным центром судебной экспертизы. Особое внимание уделялось признакам публичности и неопределенности круга адресатов, поскольку эти критерии имеют фундаментальное значение для квалификации призывов к насилию.

Комплексный анализ выявил четыре статистически значимые группы индикаторов, коррелирующие с молодёжно-субкультурным сегментом 14–35 лет ($\phi = 0,49$; $p < 0,01$).

Во-первых, криптонимизированная числовая символика («14», «88», «1488», акроним WPWW) и хэштеги двойной семантики (#14words, #SaveEurope). Их семантическая нагрузка состоит в идентификации носителей «белой» расовой

идеологии и сигнализации принадлежности к ультраправому сообществу.

Во-вторых, транслитерированные англо-американизмы групповой кооптации (based, redpilled, NPC, cringe, soyboy, sigma). Лингвистическое значение данных единиц носит оценочно-сегрегационный характер, формируя эффект «внутригруппового языка», который исключает внешнего наблюдателя из семиотического пространства и способствует радикализации. Наличие указанного маркера в совокупности с речевой конструкцией, унижающей достоинство группы по национальному либо расовому признаку, является квалифицирующим обстоятельством ч. 2 ст. 282 УК РФ.

В-третьих, геймифицированная милитаристская метафорика («апнуть ранг», «закрыть босс-файт», «пройти левел») выступает средством камуфлирования призывов к реальным насильственным действиям. Несмотря на игровую форму, директивная сила высказываний сохраняется и подлежит квалификации как публичный призыв к насилию.

В-четвёртых, меметические визуально-текстовые конструкции: вариации Wojak/Pepe, рунический ASCII-арт, эмодзи-кластеры . При внешней игровой оболочке они содержат этнонационалистическую семантику (видаизменённые руны SS, «чёрное солнце» и т. п.), что снижает порог критического восприятия у целевой аудитории. Отметим, что меметическая форма не устраняет противоправного содержания, если визуальный ряд объективно отсылает к нацистской идеологии.

Дополнительный подкласс составили псевдонаучные неологизмы с суффиксами -logy/-nomics (race-science, genopolitics), реализующие стратегию квазинаучной легитимации принципа биологического детерминизма. Такие термины стоит относить к лексическим маркёрам оправдания нацистской идеологии, поскольку их использование направлено на рационали-

стическое обоснование превосходства одной нации над другой.

Системное толкование полученных данных в контексте ст. 24 и 74 УПК РФ демонстрирует, что совокупность установленных вербальных и визуальных индикаторов обладает высокой доказательной силой для подтверждения субъективной стороны преступлений экстремистской направленности. При соблюдении процессуального регламента назначения и проведения экспертизы (ст. 195–207 УПК РФ) заключение эксперта, подготовленное на описанной методологической базе, отвечает критериям допустимости, относимости и достоверности и может быть положено в основу обвинительного приговора либо иного судебного решения.

Выводы

Проведённое исследование позволяет констатировать, что разработанная многоуровневая методика судебно-лингвистического анализа молодёжно-ориентированного цифрового контента представляет собой научно обоснованный инструментарий идентификации латентных маркёров ультраправой экстремистской пропаганды. Интегративный междисциплинарный подход, синтезирующий достижения корпусной лингвистики, семантического и прагматического анализа с нормативными требованиями, обеспечивает необходимую доказательственную достоверность экспертных заключений при соблюдении конституционных гарантий прав несовершеннолетних. Выявленные четыре класса индикаторов: криптонимизированная числовая символика, транслитерированные англо-

американизмы групповой кооптации, геймифицированная милитаристская метафорика и меметические визуально-текстовые конструкции – образуют верифицируемую систему признаков, позволяющую с высокой степенью надёжности квалифицировать коммуникативные акты как содержащие признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 280, 282 и 354¹ УК РФ.

Практическая значимость полученных результатов заключается в формировании алгоритмизированных критериев экспертной оценки, минимизирующих субъективизм и обеспечивающих единобразие правоприменительной практики. Предложенная типология речевых стратегий ультраправого дискурса (виктимизация, нормативный дрейф, юмористическая меметизация, псевдоэмпирическая легитимация) в сочетании с матрицей перлокутивных эффектов создаёт процессуально пригодную основу для дифференциации степени общественной опасности высказываний и определения конкретной формы вины субъекта. Особую ценность представляет учёт возрастных и социокультурных особенностей целевой аудитории, что соответствует требованиям гл. 50 УПК РФ и международно-правовым стандартам защиты прав ребёнка.

Дальнейшая имплементация разработанной методики в практику следственных органов и судебных учреждений будет способствовать повышению эффективности противодействия молодёжному экстремизму при безусловном соблюдении принципов законности и справедливости.

Список литературы

1. Беликов С.В. К типологии праворадикальной молодежи // Свободная мысль. 2008. № 4. С. 65–78.
2. Куршев А.Х. Радикализм как фактор дестабилизации мировой политической ситуации // Проблемы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 4. С. 149–153.
3. Авраменко А.А. Особенности эвфемизации речи в русском языке // Экономика и социум. 2017. № 11(42). С. 56–61.

4. Давыдов С.Г. Национал-социалистическое течение в неинституциональном молодежном движении России: история и современность // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 155-161.
5. Суслов Ю.Е., Миронова Т.И. Проявления латентного цифрового экстремизма в молодежной среде // Юридическая психология. 2024. № 2. С. 25-29.
6. Вицентий И.В., Елисеев С.М., Попова О.Н. Концептуальная модель цифрового социологического мониторинга экстремистских установок // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 61-72.
7. Воеводина М.И. Трансформация символа и знака на стадии формирования информационного общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №. 8-2. С. 78-80.
8. Горелов С.А. Угроза терроризма и экстремизма в информационной среде // Право и образование. 2025. № 5. С. 64-71.
9. Маяцкая О.Б. Информационный экстремизм и его деструктивное влияние на поведение молодого поколения россиян // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 12. С. 512-515.
10. Середюк В.В. Ювенальная юстиция как правовой эксперимент в уголовном судопроизводстве России // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 809-812.
11. Бадмаева В.Д., Дозорцева Д.С., Ошевский Д.С. Уголовно-релевантные психические расстройства у несовершеннолетних обвиняемых: органические психические расстройства // Российский психиатрический журнал. 2016. № 6. С. 17-24.
12. Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 31-41.
13. Майнагашева Е.В. Отношение студентов российских вузов к молодежному экстремизму // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 5(62). С. 82-89.
14. Токбаев А.А., Савчук Н.А. Противодействие распространению экстремизма в глобальном информационном пространстве // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9(172). С. 439-440.
15. Геранина И.Н., Логинова Е.И. Психолого-лингвистическое исследование текстов на предмет выявления признаков разжигания в обществе национальной, расовой или религиозной вражды // Судебная экспертиза. 2008. № 3(15). С. 38-42.
16. Челышева О.В., Назаркулова Ч.Н. Оценка заключения эксперта при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды // Мир юридической науки. 2016. № 12. С. 67-74.
17. Дятлова Е.В. К вопросу о проблеме разграничения расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды // Юридическая наука. 2022. № 4. С. 121-123.
18. Белютин Р.В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 119-129.
19. Терехова Е.М. Особенности использования специальных знаний при расследовании реабилитации нацизма // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2023. № 3. С. 356-359.
20. Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование / Институт экономики, управления и права. Казань: Познание, 2011. 320 с.
21. Поликарпова О.Н., Поликарпов И.А. Прагматическая значимость комментативной парантезы в теории речевых актов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6(79). С. 624-625.
22. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2011. 326 с.

References

1. Belikov S.V. Towards a typology of Right-wing Radical youth. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*. 2008;(4):65-78. (In Russ.)

2. Kurshev A.Kh. Radicalism as a factor of destabilization of the global political situation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2022;15(4):149-153. (In Russ.)
3. Avramenko A.A. Features of euphemization of speech in Russian. *Ekonomika i sotsium = Economics and society*. 2017;(11):56-61. (In Russ.)
4. Davydov S.G. The National Socialist trend in the non-institutional youth movement of Russia: History and Modernity. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern Scientific Thought*. 2019;(2):155-161. (In Russ.)
5. Suslov Yu.E., Mironova T.I. Manifestations of latent digital extremism among young people. *Yuridicheskaya psikhologiya = Legal Psychology*. 2024;(2):25-29. (In Russ.)
6. Vitsentii I.V., Eliseev S.M., Popova O.N. A conceptual model of digital sociological monitoring of extremist attitudes. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2022;(1):61-72. (In Russ.)
7. Voevodina M.I. Transformation of the symbol and sign at the stage of formation of the information society. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current problems of the humanities and natural sciences*. 2014;(8-2):78-80. (In Russ.)
8. Gorelov S.A. The threat of terrorism and extremism in the information environment. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*. 2025;(5):64-71. (In Russ.)
9. Mayatskaya O.B. Information extremism and its destructive influence on the behavior of the younger generation of Russians. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2022;8(12):512-515. (In Russ.)
10. Seredyuk V.V. Juvenile justice as a legal experiment in criminal proceedings in Russia. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technology*. 2025;(19):809-812. (In Russ.)
11. Badmaeva V.D., Dozortseva D.S., Oshevskii D.S. Criminally relevant mental disorders in juvenile defendants: organic mental disorders. *Rossiiskii psichiatricheskii zhurnal = Russian Psychiatric Journal*. 2016;(6):17-24. (In Russ.)
12. Len'kov R.V., Kolosova O.A., Kovaleva S.V. Socio-psychological diagnostics and forecasting of youth protest behavior in the digital environment. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*. 2021;4(1):31-41. (In Russ.)
13. Mainagasheva E.V. The attitude of Russian university students to youth extremism. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2019;1(5):82-89. (In Russ.)
14. Tokbaev A.A., Savchuk N.A. Countering the spread of extremism in the global information space. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2022;(9):439-440. (In Russ.)
15. Geranina I.N., Loginova E.I. Psychological and linguistic study of texts to identify signs of inciting national, racial or religious hatred in society. *Sudebnaya ekspertiza = Judicial expertise*. 2008;(3):38-42. (In Russ.)
16. Chelysheva O.V., Nazarkulova Ch.N. Evaluation of an expert's opinion in the investigation of crimes motivated by national, racial, religious hatred or enmity. *Mir yuridicheskoi nauki = The world of legal science*. 2016;(12):67-74. (In Russ.)
17. Dyatlova E.V. On the issue of the problem of distinguishing racial, national and religious hatred or enmity. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2022;(4):121-123. (In Russ.)
18. Belyutin R.V. On the issue of discrimination in the discourse of German football fans. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022;(3):119-129. (In Russ.)
19. Terekhova E.M. Features of the use of special knowledge in the investigation of the rehabilitation of Nazism. *Sledstvennaya deyatel'nost': nauka, obrazovanie, praktika = Investigative activities: science, education, practice*. 2023;(3):356-359. (In Russ.)
20. Bikeev I.I., Nikitin A.G. Extremism: Interdisciplinary legal research. Kazan': Poznanie; 2011. 320 p. (In Russ.)
21. Polikarpova O.N., Polikarpov I.A. The pragmatic significance of the commentative parenthesis in the theory of speech acts. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2019;(6):624-625. (In Russ.)

22. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Theoretical and methodological foundations of the production of forensic psychological and linguistic expertise of texts in cases related to countering extremism. Moscow: Rossiiskii Federal'nyi tsentr sudebnoi ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii; 2011. 326 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Синяева Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3477-5448

Андрюхин Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: gorod046@mail.ru

Maria I. Sinyaeva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3477-5448

Evgeny A. Andriukhin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: gorod046@mail.ru